

Идёт солдат Орешек, пылит сапогами. Песню запоёт — хорошо, молчит — тоже хорошо. По-всякому хорошо, когда домой с дальней стороны ворочаешься. Да и чего кручиниться: одет по форме, воинскому делу обучен и к любому фортелю готов. Оно хоть и весело солдату, но глазами всё видит, ушами всё слышит.

Вот и смекнул — птицы не поют!

Солнышко, день тёплый, а не поют. К чему бы это?

Туг и дорога запетляла, заметалась, ткнулась в мосток, а за мостком — сорок сороков нехоженных тропинок.

Сел солдат Орешек на брёвнышко, снял сапоги, портянки размотал, ноги — в воду, остужает от горячей ходьбы.

И слышит — кап, кап!

Заглянул под мосток, а там Малашка-замарашка на горячем камне сидит, слёзы в воду роняет.

Солдат Орешек портянки намотал, сапоги надел, сошёл с мостка на землю, а уж тогда и поздоровался:

— Здравствуй, девушка!

— Здравствуй, дяденька! — говорит.

— Чего тут сидишь во тьме? На солнышко пошли!

— Ой, дяденька! Спасибо, что пожалел! — говорит. — Только ты беги без оглядки отсюда, за мной Пропади Пропадом вот-вот пожалует.

— Что за чудо-юдо? Не знаю такого! — удивился солдат. — За какую, однако, провинность он тебя к себе забирает?

— Моя вина невелика, — плачет девица. — Пекла я блины да и опрокинь тесто, а батюшка мой в сердцах заругался: «Пропади ты пропадом под Калинов мост!» Тут и набилась в избу всякая нечисть. Напугала батюшку. Тому делать нечего, никто его за язык не тянул. Вот и привёл он меня сюда, под Калинов мост.

— Ну ладно, — говорит солдат, — с тобой посижу, погляжу на Пропади Пропадом, велика ли страсть.

Только сказал, брёвна на мосту заходили, колёса да копыта по брёвнам застучали.

— Лёгко на помине! — Выхватил Орешек саблю да и побежал вон из-под моста, чтоб манёвр в бою был, коли бой приключится.

Глядит — карета. Да такая чёрная, словно её в дёгте вымазали. Вместо коренного — козёл, а по бокам — прежний царь с царицею, с того света.

Вышел из кареты пан. Усы на сажень, кафтан атласный, в шапке — красное перо и глазёнки, как горящие угли.

А так — обыкновенный пан. Разве что сапожки из козлиной кожи да вместо каблуков — копыта.

— Ты чего тут, солдат, делаешь? — спрашивает Пропади Пропадом.

— Тебя дожидаюсь.

— Так я не за тобой, за девицей.

— А мне её жалко.

— Уж не биться ли за такую замараху вздумал?

— А почему не биться, буду биться. Какая бы ни была, а душа человеческая. Дело у меня такое, солдатское, за слабого стоять.

— Знаю, Орешек! Солдат ты добрый. Из ружья палишь, саблей рубишь. Только со мною долго не навоюешь. Ни пуля, ни сабля меня не берут.

— Да уж, наверное, так и есть, — согласился Орешек. — Однако ж без боя человеческую душу тебе не отдам.

Выскочил солдат на мост, саблю из ножен выхватил...

Захохотал Пропади Пропадом, закатился. И что за диво: и за мостом он, у самой воды. И возле леса тот же самый пан красноглазый. И на лугу! И там, и здесь, и где его только нет, впереди и позади.

Орешек прищурил один глаз, прищурил другой, начертил вокруг себя саблей круг, ружьё с плеча снял да и бах-бах, чтоб нечистой силе не повадно было солдату голову морочить.

И ни пана, ни кареты с козлом да с бывшими царями. Гремит, катит на солдата бочка. Чем ближе, тем больше. Выше леса. Орешек перед той бочкой меньше муравья. И уж вот она, налетит — мокрого места не останется.

Тут солдат Орешек, чтоб зря-то не пропасть, кинул саблю свою на дорогу. Сабля кривая, наехала на неё бочка да и в сторону — бряк с моста на камни. Обручи полопались, доски посыпались. Такой

грохот пошёл, словно целый город завалился. А на солдата коршун с неба упал. Ещё и не добрался до солдатской дублёной кожи, а с когтей уже кровь капает.

Орешек то присядет, то ружьём отмахнётся. Коршун всё злей нападает, того и гляди, в глаза вцепится.

Схватил Орешек кусок обруча да как кинет его наотмашь. И застонала птица человеческим голосом, наземь рухнула с перебитым крылом.

Только солдат дух перевёл, а у коршуна пёрышки все взъерошились, зашевелились, и загудел, заплясал по небу чёрный клубок пчелиного роя.

Сбежал Орешек с моста под мост, сорвал с головы кивер, давай воду из реки черпать и на пчёл брызгать. Тут они и повисли, как борода, на калиновом бревне.

Солдат, долго не думая, ранец снял, пожитки вытряхнул, поставил ранец, смахнул в него рой, закрыл, ремни застегнул да и придавил горячим камнем.

— Ступай себе домой, девица, — говорит Орешек. — Все твои напасти позади.

Тут девица улыбнулась, водою проточной умылась, и увидел солдат: замарашка-то — красавица.

Провожала Малаша-милаша избавителя за Калинов мост, а потом по лужку пошла до лесу, а потом и через лес до пустоши.

— Так бы шла и шла за тобой, — сказала солдату, — да не зовёшь ты меня в даль дальнюю, в жизнь бесприютную.

И сказал солдат Орешек Малаше-милаше:

— Покойных дорог у солдата не бывает, потому и не зову в даль дальнюю. А в жизнь свою бесприютную, однако, зову, коли не страшно тебе, девушка, быть солдатской женою.

— Страшно, — говорит Малаша-милаша, — да без тебя теперь жизнь не жизнь.

— Коли так, жди меня на обратной дороге. Проведаю матушку мою, испрошу у неё благословения, да и пойдём с тобою, душа моя, рука об руку, одной дорогой, а велика ли она будет, коротка ли, то судьба наша знает. Мы не сплхуем — злыдню тощую не повеселим.

И на том они расстались.

И махала Малаша-милаша вослед солдату рукою, а солдат шёл да всё оглядывался, покуда дорога прямо вела.

...Шёл солдат Орешек, шёл да и встал. Как же без ранца — непорядок в амуниции.

Поворотил назад.

Подошёл к Калинову мосту, глядит: на месте ранец, горячим камнем придавлен. Вокруг пожитки

солдатские пораскиданы, цены невеликой, но все для жизни нужные.

Призадумался солдат Орешек. Вытрясти из ранца нечистую силу — хлопот потом не оберёшься, и бросить ранец тоже никак нельзя.

Вспомнил тут солдат своего унтера Ивана Спиридоныча. Унтер Иван Спиридоныч о солдатской амуниции говаривал: «Солдат потому и солдат, что всякая вещь при нём и для его солдатской надобности во всякий час прилежна».

— Эх! — говорит Орешек.

Сдвинул горячий камень, взял ранец, открыл да и потрянул на воду. Там ведь пчелиный рой сидел. Ан нет! На то она и нечистая сила, чтоб честного человека дурачить. Полетела из ранца пыль, мелкая, едкая, столбом пошла!

У самой пропащей бабы в избе столько пыли не наберётся.

Чихнул солдат Орешек и подумал про себя: «Вот тебе и Пропади Пропадом».

Тут засвербил в ухе тощий ветерок, чудится Орешку, будто говорит кто-то:

— Дождёшься ты у меня, солдат! Узнаешь, как совать нос не в свои дела.

Не стал солдат Орешек на словах с нечистой силой спорить.

Покрутил пальцем в ухе, протёр свой ранец пучком травы, пожитки сложил и — в путь-дорогу. Идёт солдат Орешек лесом. Деревьям в том лесу тесно. Небо над дорогой закрыли. Темно. А по верху-то ветер всё у-у-у да у-у-у! И не понять: может, это не ветер, а волк.

Солдат ничего! Шагает!

Вдруг задрожала земля под копытами да под колёсами. Нагоняет солдата карета о шести лошадях цугом.

Орешек — на обочину, пропускает поезд. А возница лошадей вдруг осадил да и машет солдату: становись на запятки, домчу.

Коли приглашают, чего упираться.

Вскочил Орешек на запятки, гикнул возница на лошадей. Они и взялись с места. И понесли. Да так, что ветер в ушах, как щенок, скулит, жалуется. В глазах рябит. Колёса уж и не крутятся, юзом пошли. Карета по дороге, как по морю, с боку на бок переваливается. Заденет за куст какой — не приведи господи, что будет. Щепы не собрать.

Зажмурился Орешек. И сразу тихо стало. Ветер улёгся.

Глаза открыл — небо, солнышко.

Смотрит, что за оказия!

Сидит он в вороньем гнезде, на вершине высоченной сосны, на самом краю леса. На той самой опушке, где с Малашей-милашей расстался.

Делать нечего.

Слез с дерева.

Смолу с рук ободрал да и пустился в путь той же дорогою.

Шибко осердясь на себя, шагал. А как не сердиться? Попался на проделки Лешего. Кому-кому, а солдату такая промашка — обидная.

Пора бы и на привал, солнце в зените, да Орешек упрямится, шагает.

И нагнал мужичонку на телеге.

— Далеко ли, служивый, путь держишь? — спрашивает мужичок. Корявенький такой, бородёнка запущена, глазки заспанные.

— Домой иду, — говорит солдат. — Матушку проведать.

— Садись, подвезу.

— А чего ж не сесть?

Сел солдат в телегу. Заскрипели. Скрип да скрип. Скрип да скрип. Кинуло Орешка в сон. Только клюнул — посвежело. Воздухом потянуло. Зевнул Орешек. Смотрит — в том же вороньем гнезде

сидит.— Ну погоди, дедушка! — говорит Орешек. — Будет и на моей улице праздник.

Слез с дерева и опять пошагал, по той же дороге малоезженной.

Далеко ушёл.

Поредел тёмный лес. Там поляна, здесь поляна. Смотрит — лошадь пасётся.

Остановился солдат, прищурился и дальше потопал. Тут ему стыдно стало.

— Этак я и сам себе верить перестану.

Вернулся. Достал из ранца верёвку, сплёл уздечку. Сел на лошадь, вдарил её по бокам да и очутился в тот же миг в вороньем гнезде.

— В третий раз, дедушка, твоя взяла! — Тут уж солдат Орешек не осердился, засмеялся.

Слез с сосны, а уже темень. Весь день шагал, только вот ушёл не больно далеко.

Сел солдат под сосною.

Пожевал солдат кус хлеба, сапоги снял, портянки перемотал и пошёл дорогой малоезженной, но своими же ногами топтанной.

Пошёл, пошёл голубчик, тьмы ночной не страшась.

А черно кругом, словно в печку залез: руку поднеси к носу — не увидишь. Только Орешек не на глаза надеется, а на свои солдатские ноги. Солдатские ноги как добрый конь. Отпусти их, сами собой приведут к жилью.

Ветер подул, тучи развеял.

Явились на небе звёзды. Света от них не много, но сердцу с ними веселей. Дорога-то солдату попалась — не приведи господи. Лес со всех сторон обступает, как в чулане тесно.

Вдруг смотрит солдат Орешек и не верит — огонь впереди. Днём, когда на каретах катил, жилья не встречал, а ночью — извольте радоваться.

Огонёк светит, манит. Солдат Орешек хоть и не верит глазам, а шагу прибавил.

Подожёл ближе: видит — чудо! Не в избе огонь горит, и не костерок это. Под землёй золотой спол золотыми колосьями играет. Клад!

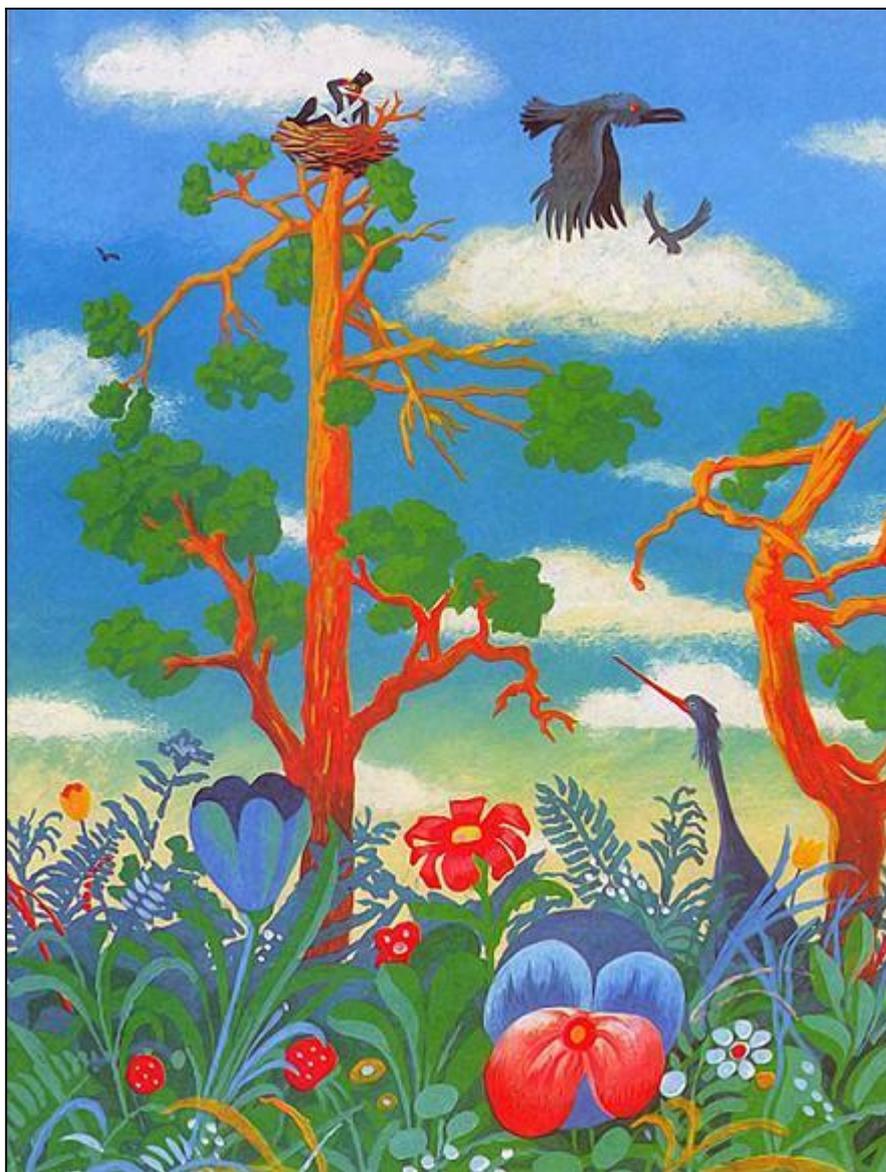
Подивился, но с дороги своей не свернул.

«Или дедушка опять шалит, глаза отводит, — думает Орешек, — или ещё какая нечистая сила».

Прошёл мимо. Десяти шагов не ступил, из-под ног, на самой дороге — свет. Так и шибает в глаза!

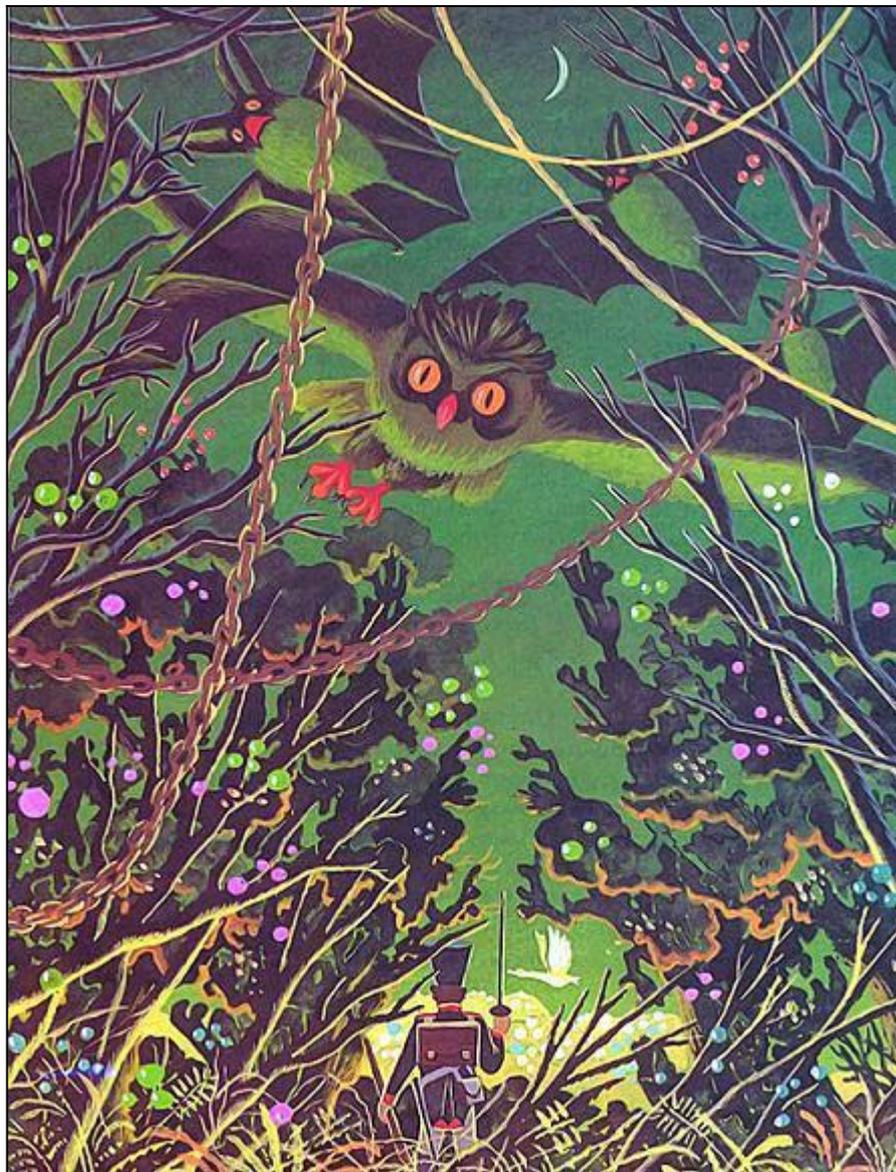
Вроде бы печку топят, да вместо поленьев — камешки живым огнём горят: синим, красным, белым, как день. Добыть такой камешек — и сыт будешь, и нос в табаке.

Солдат Орешек переступил клад и своей дорогой идёт, пыхтит. Жарко ему всё же. Искушение! А нечистая сила тоже в раж вошла. Каруселью чудеса крутит.

Направо — на дереве на золотых цепях сундук хрустальный висит. В сундуке — платье королевское, пером жар-птицы подбитое. И корона там, и яблоко, и другой королевский причиндал. Налево — белая свинья мордой землю роет, а из-под рыла всякая драгоценная всячина: запоны, побрякухи, безделухи, обглядухи.

Назад поглядеть: на дубу — куриное гнездо. В гнезде селезень — золотые пёрышки: утицу серебряным клювом в голову клюёт, а утица с испугу алмазные яйца роняет. Впереди и по давню —

мельница. Чего мелет не видать, только из-под жернова на дорогу золотой песок без роздыху и остановки сыплется.

Конь вдруг заржал. Объявился под деревом, на котором сундук хрустальный с королевской одеждой. Мол, бери, садись, поезжай! В любом королевстве примут и принцессу в жёны дадут.

Засмеялся солдат Орешек.

— Э! Как нечистая сила изгаляется!

Тут все клады и рассыпались прахом, только вонь от них пошла, словно гадость какая сгорела.

В лесу просторней стало. Дорога забелела, звёзды замигали.

Совсем солдат Орешек ноги отшагал, идёт, на ходу спит. Можно бы и под деревом лечь, да место уж больно ненадёжное.

Глядь-поглядь — огонёк! Лучину в избе полуночник бессонный жжёт.

Лучине солдат Орешек поверил,

свернул с дороги.

Подошёл ближе — забор. Ищет ворота, да никак во тьме не найдёт.

— Эх! — говорит.

Перелез через забор. Собаки не слышать, а изба не изба — терем! Взошёл на крыльцо — дверь не затворена. Орешек в сени, о косяк, однако, постучал.

— Хозяин! Нельзя ли прохожему солдату переночевать?

В ответ — молчок. Только лучина мигнула да и погасла.

Назвался груздем — полезай в кузов.

Переступил Орешек порог. Тьма — глаз выколи. Вдруг под ногами два зелёных огонька зажглись.

— Здравствуй, кошачье племя! — обрадовался солдат живой душе. — Коли за хозяина, принимай!

Гость и голоден, и от устатку с ног валится.

Глаза погасли, а зажглись уж возле печи. Заслонка в печи, как дверь в амбаре. Отставить — сил не хватило, а вот уронить — как раз.

Дохнуло из печи, будто из угольной ямы. От жара не то что в избе, в лесу посветлело.

Видит солдат: вместо поленьев — деревья, котёл о сорока вёдер до краёв мясом набит. Чует Орешек — о сапог его кто-то трётся. А это кот! Чёрный, тощий — заморыш заморышем. Завёл в котёл деревянный половник и вычерпнул две дюжины перепёлочек. Одну дюжину коту, другую себе.

Только пёрышки ощипал, слышит: пик да пик. Прежалобно. А это птичка — синие пёрышки в клетке плачет. Насыпал Орешек пичуге хлебных крошек из своего ранца, сам приговаривает:

— Кушайте, ребятки!

Кот кушать кушает, а мурлычет свое:

— За жа-лость хо-зяин тебя не пожа-луует!

Тут лес ходуном вдруг заходил. Пичуга — молчок, кот — за печь, будто его метлой шваркнули. Орешек за котом.

Распахнулась дверь, будто её бурей вышибло. Явился в дом хозяин, Верлиока одноглазый.

За спиной Верлиоки — рыбацья сеть, а в сети вперемежку: косули, кабаны, рыба и птица. Кинул Верлиока добычу у порога, а сам к печи.

— Кто погасил лучину? Кто уронил заслонку?

Дунул на огонь — печь изморозью покрылась. Котёл вытащил и давай жрать всё что ни попадя: с рогами-копытами, с чешуёй, с пером, с шерстью мохнатой.

Котёл языком вылизал, свалил в него добычу и — в печь. Плюнул-дунул — огонь и занялся.

Сел Верлиока на лавку, упёрся глазом в печь и говорит:

— Что мне кирпичи, я сквозь землю на три сажени вижу. А ну, выходи незваный гость.

Орешек упираться не стал, вышел.

— Поиграй со мной, солдат, — говорит Верлиока. — Да смотри, как заскучаю, так и съем тебя, с ружьём, с саблей.

— В догонялки с ним поиграй, — мурлычет кот из-за печи.

— Догонялки игра старая, — говорит солдат. — Я другую знаю: погонялки.

В ту пору, на солдатское счастье, месяц на небо взошёл.

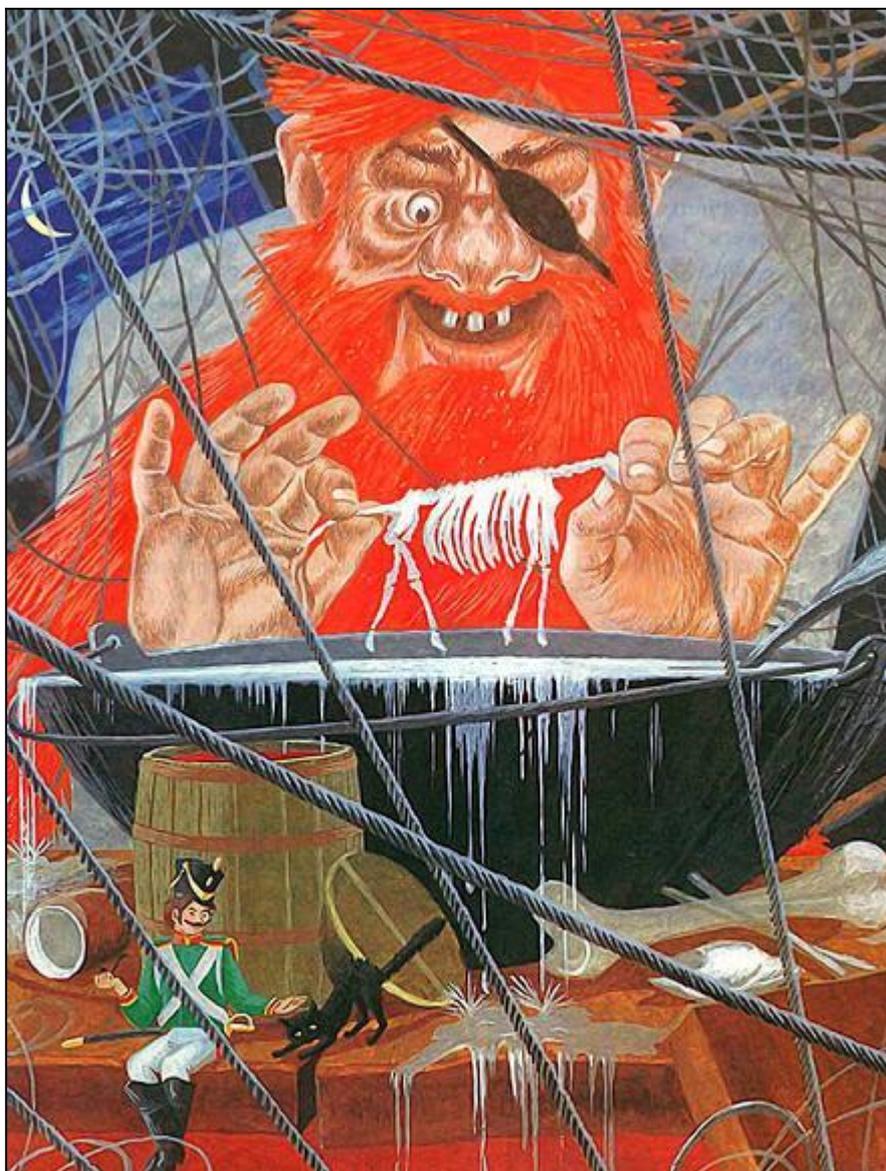
Подставил Орешек бляху, что на ремне, под лунный луч, лунный заяц и скакнул на стену.

— По зубам ли тебе, Верлиока, этакая дичь? — и на потолок зайца посадил.

Верлиока-то как сиганёт — дыру башкой в потолке прошиб, а заяц уж на полу.

Верлиока наструнился, напыжился — шмяк об пол! А заяц у него на носу. Верлиока размахнулся, развернулся да так хватил себя по носу, что и дух вон!

— Эй, ребята! — говорит Орешек коту да птичке — синие пёрышки. — Не повезло с ночёвкой. Ну да

солдату весь белый свет — дом родной.

Отворил он клетку, отпустил пичугу на волю. Загасил огонь в печи.

— Отъедайся, Кот-коток, вострый коготок, да и гуляй себе на свободе.

Отворил двери, окна и вышел к другу своему, к Месяцу Месяцевичу.

— Поймай, братец, на часах, солдату спать пора. Земля — перина, одеяло — небо, заскорузлый корень — подушка, а сны сладкие.

Спит солдат, а месяц на часах стоит. Пробудился Орешек, когда птицы уж все песни спели.

Поглядел по сторонам: лес — зелёный, небо — синее.

Вспомнился вчерашний день, и только головой покачал:

— Хитра нечисть, а всё ж человеку не ровня. На гадости только и хватает ума.

Переобулся солдат. Нет воды — росой умылся. Хлеба нет — щавельку пожевал. И в путь. Ать-два, ать-два — тут и лесу конец.

Лужок в ноги ластится. Речка по лужку — донышко золотое. Вместо моста — дерево с берега на берег. А на дереве этом — человек. Подошёл Орешек поближе, так и есть — человек. Девка!

Платье на ней зелёным огнём отливает. Волосы чёрные, как чёрная мгла, а руки белые. В руках — гребень золотой.

Чешет девка волосы гребнем, а сама с солдата глаз не сводит. И всё смеётся, смеётся. Да и сказала вдруг:

— Орешек, что же ты под ноги себе глядишь? Этак и счастье своё прозевать недолго. Иди ко мне! На брёвнышке посидим.

— Отчего же не посидеть! — сел Орешек на брёвнышко, смотрит на девку. — Вот он я. Чего ещё скажешь?

— Скажу — невежливый ты, солдат. К девушке нужно с ласкою подходить, с пряничком. Тогда и тебя полюбят. Клади мне голову на колени, я тебе волосы золотым моим гребнем расчешу, может, и поумнеешь наконец!

— И то правда! — Снял Орешек кивер да и лёг к девке головой на колени.

Запустила девка солдату гребень в волосы, а сама песенку запела:

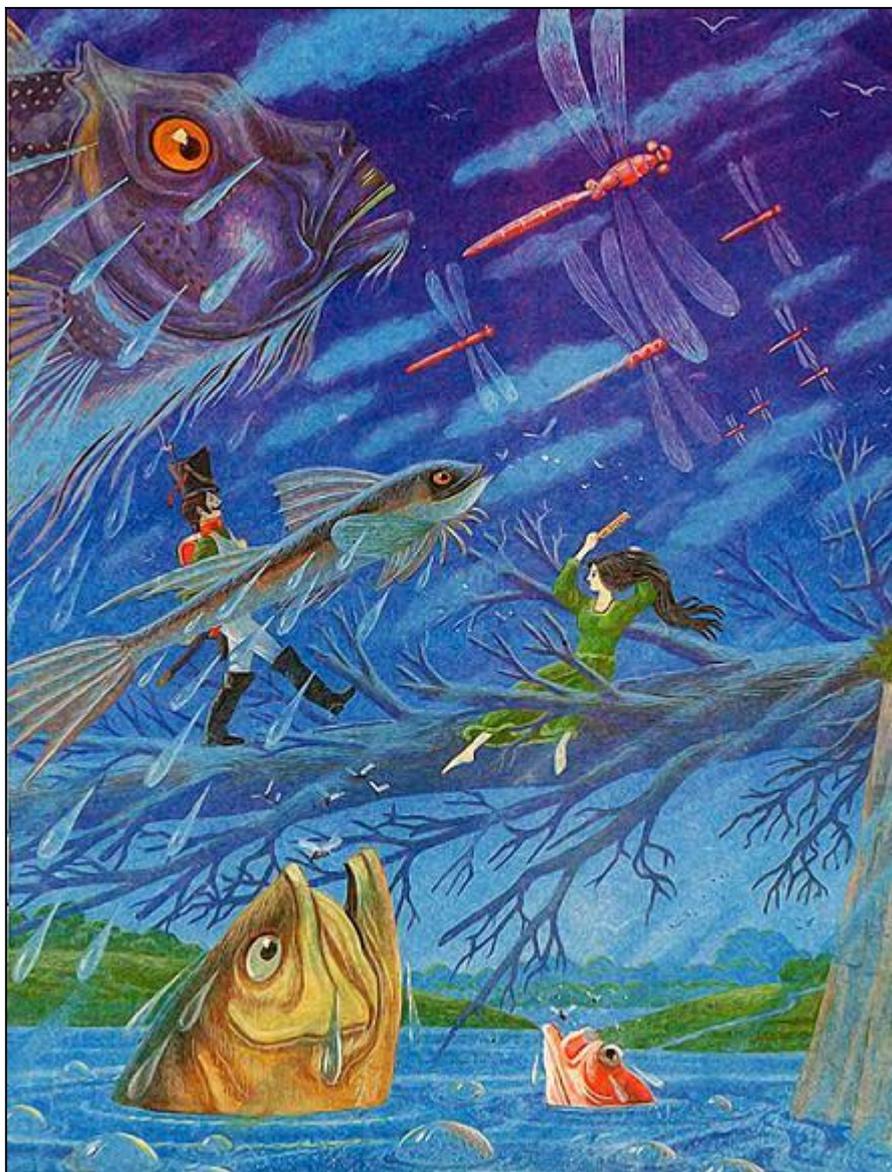
На Ивана упрямого — кнут,

Захару — с три короба наврут.

Георгию — слава, Петру — хвала,

Тихому Тихону — хлеб да халва.

На Орешка есть Чертовка,

Девка ласковая да ловкая.

Тут Орешек глаза совсем закрыл да как вскочит. Гребень-то и остался у него в волосах.

— Куда же ты? — кричит Чертовка. — Уж я тебя так люблю, ни одна девка так полюбить не сумеет.

— Недосуг мне, — говорит Орешек. — Заждались меня.

Перешёл речку вброд, да и ать-два, ать-два!

— Гребень отдай! — вопит Чертовка.

А солдат: левой-правой, левой-правой, да и нет его.

Лучшая дорога — которая домой ведёт, а солдату такая дорога во сто крат милей. Пуля-дура его миновала, а врага он и сам обхитрил.

Только примечает солдат Орешек: что ни верста, то в ноги ему — две дороги на выбор. Раз пошёл направо, другой раз — налево.

Солнышко на закат, а жилья человеческого всё нет и нет. С одной стороны озеро ему блеснёт и с другой стороны — озеро. А вот уж и лес по колено в воде стоит, да и дороги не стало.

Забрёл Орешек на болото на ночь глядя. Призадумался.

Не о жилье человеческом уже думает — какое здесь жильё, — хоть бы где место сухое найти, ночь переждать. Не цапля ведь, чтоб стоять в воде по колено.

Приметил кочку высокую.

Шаг сделал — по грудь в воду ушёл. Смотрит, а кочка занята: то ли птица какая-то чёрная сидит, то ли козёл. И крылья будто бы, и рога.

Солдат долго не думает. Схватил Орешек болотную животину, а она как прыснет. Потянула солдата по болоту, только брызги летят во все стороны.

Вспомнил тут Орешек своего унтера Ивана Спиридоныча, чего тот про болота сказывал. И пришло на ум — Анчутка по болоту его тягает, бесёнок водяной.

«Страсть, конечно, божия, однако и пострашней бывает», — подумал про себя Орешек и давай Анчутку руками тискать, чтоб силу солдатскую почувал.

Анчутке больно стало, да и притомился: солдат при ружье, при сабле, при сапогах.

Ухнул Анчутка в лесную чащобу и только отпыхивается. Орешек видит — место сухое, однако Анчутку не пускает, как гаркнет на беднягу:

— А ну, выноси меня к человеческому жилью, не то все кости тебе пересчитаю!

Анчутка и взмолился голосом человеческим:

— Тише, солдат! Дедушка проснётся, и тебе, и мне несдобровать.

Глядит солдат на чудо болотное, удивляется. Перья у Анчутки — верно птичьи, мордочка махонькая, с кулак, не то кошачья, не то собачья — не поймёшь, а на голове рожки козлиные. И чёрный! Ну будто из трубы вылез.

— А чего же тебе-то, страшиле этакому, на болоте бояться? — спрашивает Орешек. — Ты здесь

свой!— На болоте всяк дедушку боится, — говорит Анчутка. — А я в кабалу к человеку попал. Заспался. Дедушка за такое в тину закатает.

Тут как ухнет на болоте, как булькнет. Вылез из пучины дедушка. Уж до того зелёный да корявый, что и рассказать о том невозможно.

Анчутка сидит, не шелохнётся.

Водяной бороду задрал.

— А где ж луна? Разбудили, неслухи. Всё гомонят-гомонят! Вот я вам! — погрозил лапой неведомо кому, зевнул и под воду ушёл.

Заворочался Анчутка, крылья свои лохматенькие оправил да и говорит:

— Держись, солдат, полетим. Отвязаться бы от тебя поскорей. Порхнул в небо, как глухарь, понёс. А силёнок маловато.

Солдат Орешек ноги о вершины деревьев поотшибал.

Глядит Орешек — огонёк на болоте зажёгся. Горит, но мигает. И вдруг — пошёл. Пошёл-пошёл, да всё кругами.

Тут ещё один огонёк объявился. Ещё.

Вдруг — трах!

Хватил Анчутка солдата крыльями по глазам да как шарахнет в сторону. Орешек руки-то и разжал.

Но на то он и солдат, чтоб скоро соображать. Успел-таки ухватить Анчутку за мохнатенькое его крылышко.

— Увва-а!

Завопил Анчутка, да так, что кони в табунах присели от страха. Не летит уже — кувыркается по небу. Ну и хлопнулся на прошлогодний стог сена.

— Отпускай, — стонет.

— Шею бы тебе свернуть за козни твои, — говорит Орешек. — Ну да ладно, гуляй. А чтоб не забижал солдат, вот тебе моя памятка.

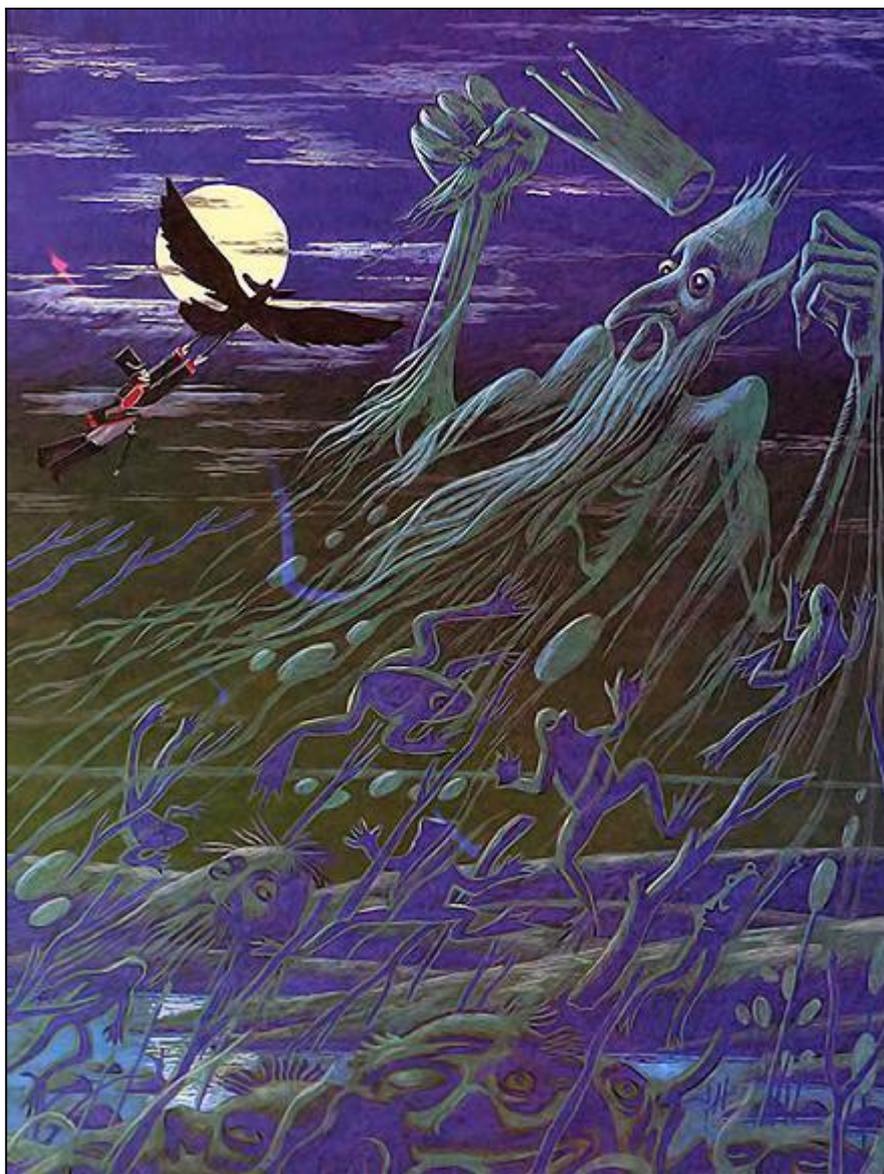
Выломал у Анчутки пук мохнатых перьев и отпустил на все четыре стороны.

Только бесёнка и видели. Стрелой на болото умчался.

Поглядел на себя солдат Орешек: не годится в стогу ночевать. Мундир в тине, мокрый, в сапогах хлюпает.

Скатился Орешек со стога, пошёл в деревню. Крайняя изба ночного гостя не пугается. Постучал солдат в крайнюю избу. Отворила ему дверь старуха. Поглядела на солдата — и ну хихикать.

— Явился — не запылится! А уж мокрый, как курица. Как такого в избу пустить — наследись.

Ступай-ка, солдат, в баню. Она у меня нынче топлённая. Обсушись, помойся с дороги, а уж тогда и в избу просись.

— Отчего же не помыться? — говорит солдат Орешек.

И отправился, не смутясь позднего времени, в баню.

В предбаннике по углам ветер свистит, холод по полу катает.

— Неужто старуха шутку со мной сыграла, — думает Орешек.

Открыл дверь в баню, а там, как в печке.

Обрадовался Орешек, разделся, прихватил с собою Анчуткины перья и нырнул в банную благодать.

Камни в печке красные, от них и свет, да ещё пеньки гнилые по углам мерцают.

— Со мной пришёл мыться? — спрашивают Орешка.

Тот туда-сюда глянул и видит: белый-белый старичок на верхнем полке сидит.

— Здравствуй, дедушка Банник! — говорит солдат. — Не знал я, что твоя теперь очередь. Могу и обождать.

— Отчего же, давай вместе мыться. Места хватит — силёнки бы хватило. — Да кто её, силёнку нашу, измерял, — говорит Орешек. —

Будет жарко, я вот пёрышками обмахнусь.

— А что это у тебя за перья? — спрашивает Банник.

— Да память по Анчутке. Из крыльев его надрал.

— Ахти! — удивляется Банник. —

Лихой ты, видать, солдат!

— Какое там! — говорит Орешек.

— Я обыкновенный. Вот мой унтер Иван Спиридоныч — старослужащий солдат, тот — калач тёртый.

Орешек разговоры разговаривает, а сам в шайку уже и воды налил, и веник сыскал.

— Давай, дедушка, похлещу тебя! Самому небось не больно сручно.

— Будь добрый! — согласился Банник, а сам на перья поглядывает.

Солдат и говорит:

— Если хочешь, могу и перьями, мне Анчуткиного добра не жалко.

— Уважь, — кивает Банник, — перо-то, чую, шёлковое.

Уважил солдат хозяина бани, а тот и говорит:

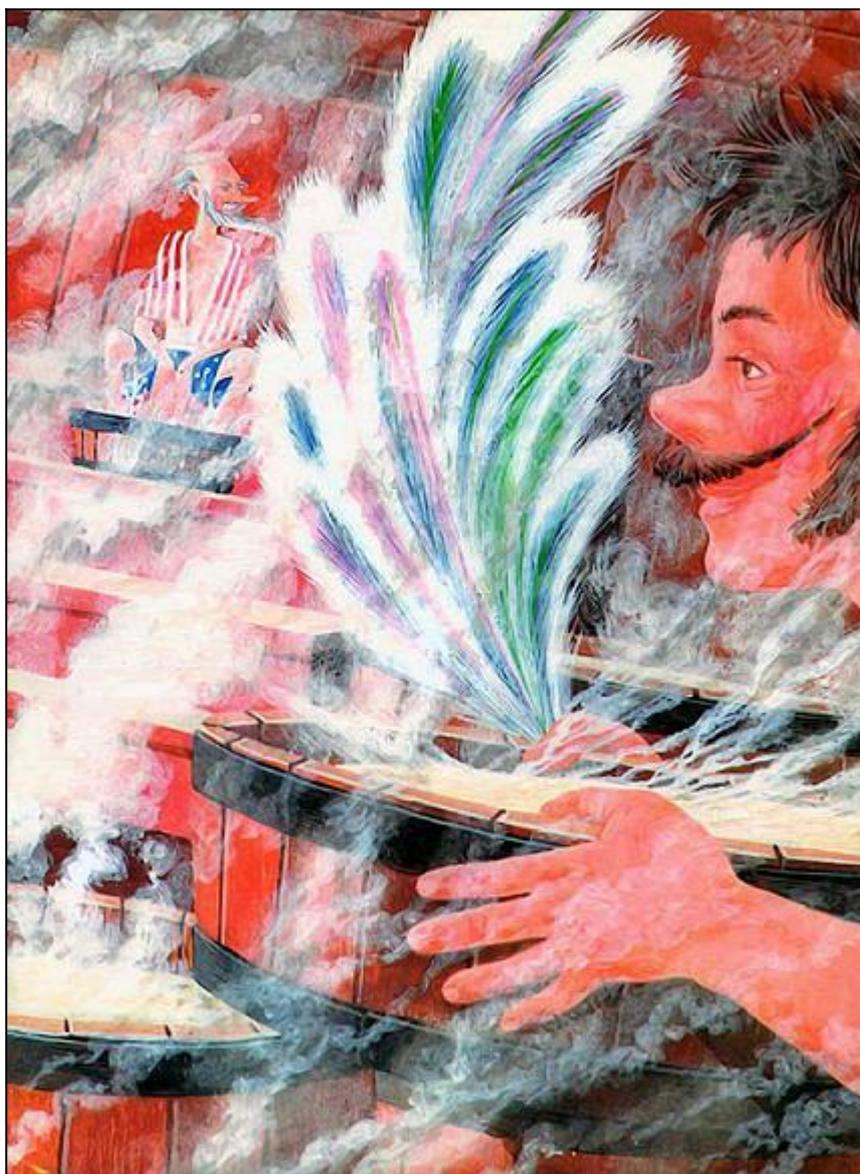
— Теперь ты ложись! Да не бойся.

Неохота мне угаром тебя морить. У самого потом голова, как худой котёл, и трещит, и пищит.

На славу солдат Орешек помылся, попарился. Подарил Баннику Анчуткины перья напоследок, а тот его табакеркой отдал.

— Откроешь, — говорит, — потихоньку. Тут на всех чих и нападёт. А тебе — ничего! То-то смеху! Я ведь — пребольшой шутник.

Засмеялся, на камни ковшик водицы кинул, закутался в пар, как в простыню, да и пропал.

Увидела старуха солдата, по-кошачьи фыркнула:

— Живёхонек!

— Хорошая у тебя баня, бабушка, — говорит солдат. — Спать клади. Разморило.

— Вот тебе тулуп. Вот тебе другой, — говорит старуха. — На один ложись, другим укроешься. Лёг солдат Орешек и захрапел, да так, что все старухины мыши в подполье попрятались, а старуха радуется:

— Спи, голубчик, спи! Авось и до смерти заспишься!

Зажгла в печи малый огонь, поставила на огонь ведёрный чугунок да и принялась варить варёво поганое варить. Травки-отравки в тот котёл кидает, сама приговаривает:

Поспевай, зелье,

Поспевай, зелено.

Шуба тоща, будь моща,

Зубы железны, сердце из олова,

Восстань, воспрянь

На солдатскую голову.

Чует солдат Орешек: тулупы сами собой зашевелились. Смекнул — нечистое дело. А старуха вдругорядь наговор бормочет. Из котла собачий дух пошёл, тулупы обернулись двумя псами. А ворожея уж и третий раз песню свою проклятую завывает:

Поспевай, зелье,

Поспевай, зелено...

Солдат Орешек взял да и открыл табакерку — подарок Банника, псы как раз и ожили, вскочили на ноги. Языки у них до полу, огненные, а глаза — как оловянные пуговицы. Сожрут и не увидят, чего

на зубах смололи. Не уцелеть бы Орешку, да спасибо табакерочке. Поднялись звери-псы на задние лапы да как... чихнут. Стоят два дуралея и друг перед дружкой: ап-чхи! ап-чхи! Старая ведьма кулаком на них замахнулась, да и недомахнула:

— Ап-ап-ап-чхи!

Поднялся Орешек с пола, табакерку в одной руке держит, а другой саблю достал. Старуха, однако, смерти своей дожидаться не стала, вскочила на метлу да — в печь. Из печи высунулась, в четыре пальца свистнула и — фьють в трубу, а за нею псы её оглашенные. До третьих петухов в лесу чих стоял.

Лёг солдат Орешек на старухину постель, табакерочку рядом с собой поставил, чтоб ещё кому не вздумалось сон доброго человека тревожить, да и выпался всласть. Утром умылся, саблей побрился, нашёл в печи чугунок с кашей, поел, и опять жить хорошо.

Идёт Орешек, песенку солдатскую посвистывает, во все стороны поглядывает.

— Вот тебе и раз!

Луг. На лугу на красном стуле сидит барин, чубуком дымит, смотрит, как землю пашут. Да вот дивное дело! Вместо коня в соху мужика запрягли. Тянет соху один, а погоняльщиков у него трое. Подошёл Орешек к барину и говорит:

— Ваше благородие! Я человек мимохожалый, во многих землях был, но такого не видывал, чтоб на людях пахали.

— Ступай прочь! — говорит барин. — Не то мужика выпрягу, а тебя впрягу.

— Не могу я прочь пойти, — отвечает Орешек. — Я — солдат. Солдат мимо чужой беды не проходит.

Скинул ружьё с плеча, наставил на рукастых слуг и командует:

— Мужика выпрячь! Ать-два!

Слуги, на ружьё глядя, сговорчивые, выпрягли мужика.

— Барина запрягай!

Запрягли барина.

— Паши!

Барин кричит, грозит, соху не тянет.

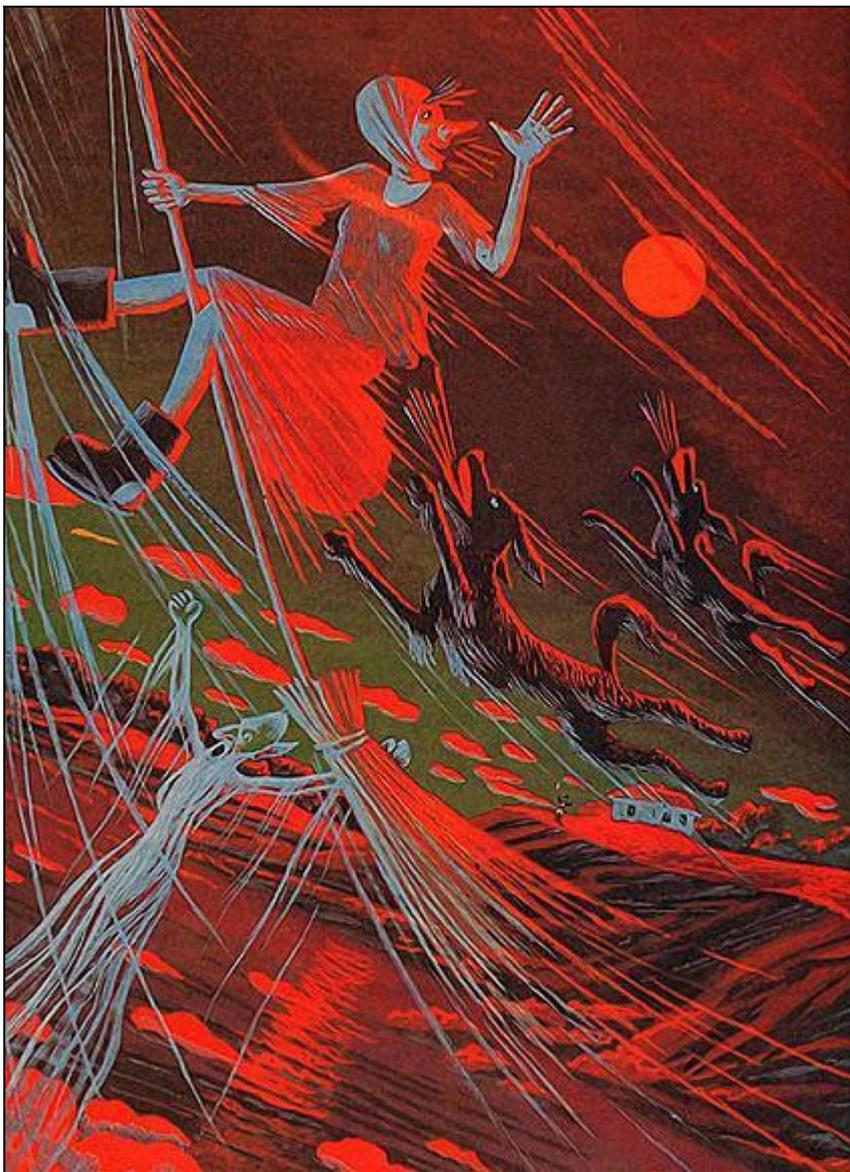
Солдат как щёлкнет курком на ружьё. Слуги и давай барина настёгивать.

— За что они тебя так? — спрашивает Орешек мужика, а тот дышит не отдышится.

— Лошадь, — говорит, — Мопопа забрал.

— А какая же нынче пахота? — спрашивает Орешек. — Самое время косить.

— Самое время, — говорит мужик, — да Мопопа велел луга перепахать, камнями засеять.

— А кто это Мопопа? — удивился солдат.

— Мы про него мало ведаем, — отвечает мужик, — только он теперь хозяин здешней земли. Все баре ему нынче поклонились.

Тут солдат Орешек ружьё на плечо закинул да и командует:

— Ступайте все по домам да живите, как прежде жили.

Слуги на землю кинулись, и барин с ними.

— Помилуй, солдат! Мы лучше поле вспашем друг на дружке, чем указ Мопопы не исполнить.

— Не тряситесь, — говорит Орешек. — Лучше укажите мне дорогу к Мопопе.

Барин рад от солдата избавиться, показал дорогу.

— Избавишь, — говорит, — нас от Мопопы, все наши благородия царю бумагу напишут, чтоб тебе чин дали.

— Отчего не избавиться, избавлю! — храбрится Орешек. — Не таким рога сшибали. Только уговор, барин: обидишь мужика, тогда и я тебя обижу.

С тем и разошлись.

Отправился солдат в путь, а сам думает:

— Повезло мне, дорога к Мопопе та же самая, что домой.

Подумал этак да язык себе и прикусил. Неужто Мопопа водворился в родной его деревне? Да и кто таков? И вспомнил Орешек Пропади Пропадом. Не его ли это козни?

Тут как раз ворона над головой солдата каркнула:

— Кар! Кар! Будешь знать, как нечистой силе перечить!

Ветер по вершинам забушевал.

— Шуу! Шуу! Будешь знать, как нечистой силе перечить!

Дерево надломилось, грохнулось на дорогу. Выскочил из дупла бельчонок да и свистнул:

— Фьють! Фьють! Будешь знать, как нечистой силе перечить.

Остановился солдат Орешек. Огляделся.

— Не знаю, — говорит, — где ты, Пропади Пропадом, рожу свою прячешь, а только так тебе скажу: волков бояться — в лес не ходить.

И пошёл, пошёл своей дорогой. Ать-два! Ать-два! _Идёт Мопопа — все бегут.

Стоит Мопопа — все лежат.

Сидит Мопопа — всяк смерти ждёт.

— А какого он обличья? — спрашивает Орешек встречных людей. — Велик ли, мал?

А в ответ одна и та же песня:

— Идёт Мопопа — все бегут, стоит Мопопа...

На рожон дурень лезет. Бывалый солдат потому и бывалый, что сначала семь раз отмерит, а потом уж оттяпает.

— Где он, Мопопа? — спрашивает Орешек. Молчат. И старые молчат, и малые. Махнут рукой на дорогу, да и весь сказ. Привела та дорога солдата Орешка к родной деревне. Прийти пришёл, но объявиться повременил. Залез на старую сосну, глядит сверху. Не видно Мопопы. Деревенька маленько захудала. Одна изба покривилась, другая прохудилась, третья на ветру колышется. А так ничего, видно, что живут люди.

Забрался солдат Орешек в колодец, разговоры кумушек послушать. Стоит в воде по грудь, не шелохнётся, а ухо — торчком! Только что за притча — не судачат бабы, как бывало. Воды наберут — и прочь.

Вылез солдат Орешек из колодца, в лесу обсушился, ружьё почистил, зарядил, саблю брусочком направил. И так ловко прокрался к родной избёнке — даже тень свою обманул. Дверь отворил — матушка у оконца пряжу прядёт.

Поглядела матушка на Орешка, палец к губам приложила и глазами на сени показывает.

Всё понял солдат. Ружьё с плеча долой, развернулся...

Стоит в углу, сеновал башкой подпирает здоровенный мешок. Ноги у этого мешка — мешки, руки — мешки, голова — мешок, а про пузо и говорить нечего.

На том мешке, что вместо головы поставлен, рот, нос, глаза углем нарисованы; ухо одно, глаз один большой, другой — маленький.

Стоит Мопопа, не шелохнётся, делает вид, что нет его.

Солдат Орешек — не промах.

Пальнул в Мопопу из ружья да и вон из дому.

Обернулся, а Мопопа крышу башкой поднял — уже во дворе. Дырка в груди дымится, да, видно, мешку от пули не больно.

Выхватил солдат саблю и на Мопопу. Рубанул сплеча! Не берёт. Слово в стог сена саблей ткнул. Мопопа с боку на бок перевалился — да и вот он, руку-мешок занёс уже было над головой Орешка.

Отступать солдату пора. Он и отступил. А что делать, если ружьё врага не берёт и сабля тоже.

Бежит Орешек что есть духу по деревне, а Мопопа с боку на бок переваливается, за спиной пыхтит.

Загнал солдата вконец, споткнулся Орешек о коренья старого дуба, упал, вскочил. Тут его по голове таким тяжёлым, таким пыльным мешком вдарило, что и сам, как мешок, рухнул, и темно в глазах стало. Очнулся солдат Орешек: что такое?

Верёвками к дереву привязан, да так туго, и пошевелиться невозможно.

Сверху ему далеко видно. Деревня вот она, а в деревне будто бы праздник затевают. Столы на

улицу вытащили, избы ветками убрали, а люди как вымерли.

— Пропал ты, солдат! — скачет барин под деревом. — Совсем пропал. Приказано тебя сжечь. Я уже и мужиков в лес за дровишками послал.

И точно! Плетутся нога за ногу мужики из лесу, дрова на себе тащут. Принесли, сложили под деревом.

— Зажигай! — торопит барин. — Солдата до свадьбы велено спалить.

Сам и огонь добыл, а дрова не горят. Уж такие это сырые дрова, словно их из болота достали. Да так оно и было.

— Негодники! — вопит на мужиков барин. — Марш в лес, не то я вас вместе с солдатом на том же дереве изжарю.

Мужики в лес отправились, а солдат Орешек призадумался, как же помочь себе.

— А чья это свадьба? — спрашивает.

— Его препыльности Мопопы! — отвечает барин.

— Какая же дура за него идёт? За мешок с трухой?

— Девица Маланья, за ней на карете поехали. «Ну ладно, — думает солдат Орешек. — Себя спасти

— четверть дела, полдела —

Малашу спасти, а дело —

людей от Мопопы избавить».

И ещё думает: «На доброе жадным я не был, не оставят меня в беде».

Тут ему на ухо и сказали:

— Мяу!

Кот пожаловал! Тот самый кот, которого Орешек у Верлиоки до отвала накормил.

— Этого, что ли? — башкой на барина показывает, а сам верёвки лапой дерёт, вот и руки уже свободны.

— Этого, что ли? — опять спрашивает.

Барин глядит на кота, трясётся.

— Коты людям не страшны! — говорит.

— Ну это смотря какие! — Обиделся кот, да как фыркнет, как сиганёт с дерева на барина, а тот, слабый человек, бух наземь — и глаза закатил.

Освободился солдат Орешек от пут и в лес подался. Кот за ним. Сели на полянке, задумались.

— Как же это Мопопу-то одолеть? — спрашивает Орешек.

Кот лапой по усам туда-сюда провёл и отвечает:

— Должно быть, без мышки тут не обойтись.

— Мышку я тебе словлю, — говорит солдат, — а куда её деть?

— В Мопопу запустить, в прореху от пули твоей.

У солдата в затылке зачесалось.

— Не больно простое это дело. Однако попробуем. Как говорит мой унтер Иван Спиридоныч: кивер раньше порток надевать не след.

Раскопал Орешек норку, поймал мышку. В платок завернул, в карман положил, а тут и задрожала земля от конского топота: шестёрка коней карету мчит.

В карете Малаша-милаша слёзки льёт. За мешок ведь замуж выдают, а мил-друг, солдат Орешек, без следа канул.

Карета всё ближе, ближе, и вот беда: не идёт на ум солдату, как ему остановить лихих коней, как с Малашей на единый миг свидеться.

Но на то он и солдат, чтоб думать быстро. Выхватил из-за пазухи золотой Чертовкин гребешок, кинул перед конями. И вот уже ни дороги, ни поляны — встал перед каретою дремучий лес. Солдат Орешек дверцу кареты отворил да и говорит:

— Здравствуй, Малаша-милаша!

Обвила девушка милого руками, к сердцу крепко прижалась.

— Не чаяла тебя повидать! Бежим скорей, покуда Мопопа не явился.

— Мы-то от него убежим, другие не убегут, — отвечает Малаше Орешек. — Вот тебе мышка, пусти её Мопопе в прореху от моей пули. Я ему в грудь угодил. И ничего не бойся. Недолго Мопопе бесчинствовать.

А по лесу треск, шум. Мопопа ломится. Передал Орешек Малаше мышку да и был таков.

Привёл Мопопа невесту в деревню. Встал посреди улицы. Малаша — по левую руку, по правую — женихова родня: Анчутка, Чертовка, ведьма косматенькая.

Солдат Орешек в копёшку сена забрался, наблюдение ведёт. Сабля наготове, и кот рядом. Видит солдат, Банника среди Мопопиных родственников нет. Обрадовался:

— Не всякий и ведьмак с тобой дружбу водит, Мешок! Да и гостей что-то нет.

Только барин с барыней перед Мопопой вьются, как мухи.

Мопопа поглядел, поглядел да как рявкнет:

— Гнать гостей на пир! Барин, словно петушок на жёрдочке, заскакал, кинулся на слуг, слуги — по избам, мужиков да баб в шею — свадьбу гулять. Бредут люди понурясь, кто в чём, неумыты, непричёсаны.

Говорит кот Орешку:

— Моя пора приспела.

Малаша-милаша стоит ни жива ни мертва, мышку в руке держит, а как пустить её Мопопе в дырочку, не ведает. Мопопа с Малаши глаз не сводит: один-то глаз у него с колесо, другой с копеечку.

Вдруг птичка — синие пёрышки! Вьётся над Мопопой так и этак, а он на птичку не глядит, упёрся глазищами на Малашу — и хоть пропади.

Поняла птичка, что до красоты её Мопопе дела нет, и уронила на него капельку. Что тут поднялось! Вся сатанинская дружина завопила, завизжала, кинулась птичку ловить, а Мопопа поднял свою руку-мешок и утёрся. Вот тут-то Малаша и сунула в прореху мышку.

Завозилась мышка в Мопопиных нутрях, зашебуршила.

Услышал кот мышку — спину выгнул, когти выпустил, сиганул Мопопе на грудь, а мешок-то гнилой оказался, затрещал да и разъехался надвое. Посыпалась на землю всякая труха, ухнул Мопопа наземь и стал себе, кем был, — мешком негодным.

Нечистая рать взбеленилась было, да явился перед нею солдат Орешек. Табакерочку — подарок Банника — открыл.

— Пожалуйте! — говорит.

Народ честной встрепенулся, туда-сюда колыхнулся да и всем миром:

— А-а! Аа-пчи!

Для нечистого племени человечесий чох — всё равно что крик петушиный. Так и сдуло всех!

Тут и самого Орешка табачок пробрал, повело ему нос на сторону, да и — апчи! — с Малашей разом!

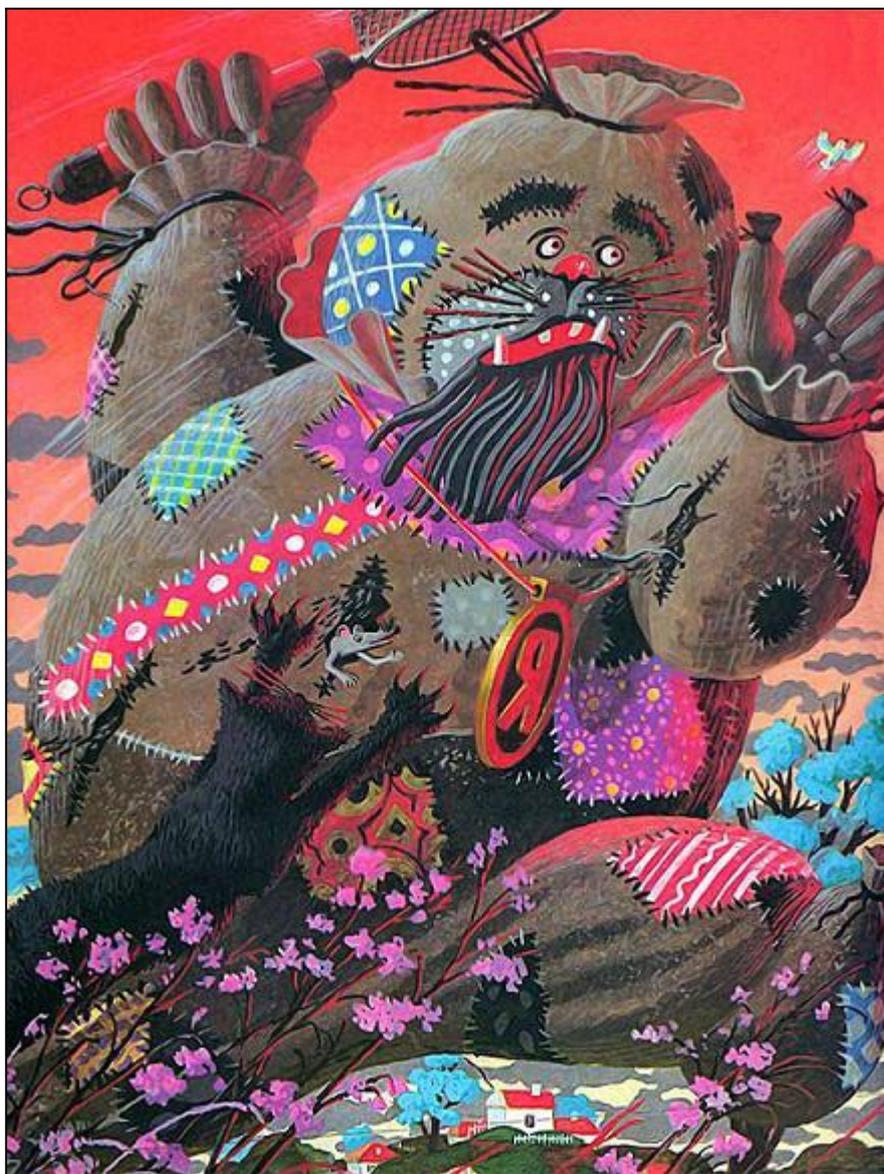
Поклонились люди солдату-избавителю и сказали:

— Здоровьице вам, Орешек Иванович! Будьте и вы здоровы, Маланья Лукинишна!

Рассыпались люди по избам, умылись, нарядились и вышли на широкую улицу весёлую свадьбу играть. Чего ж откладывать-то, коли столы готовы, жених с невестой вот они: жених — молодец, невеста — красавица. Орешек с Малашей матушке поклонились, а она их благословила.

Удалась свадьба на славу, и особая честь на ней была коту.

Тут бы сказке конец, да не всё сказано. Отпуск солдата невелик, пришла пора в обратную дорогу собираться.

Малаша-милаша и говорит:

— Я с тобой пойду, Орешек. В чужих краях, может, и лихо, да только в разлуке жить не хочу, и родителям моим поклониться нам нужно.

Орешек — лёгкий человек.

— Пошли, — говорит. — Мне ещё три года служить. С милой женой три года за год сойдут.

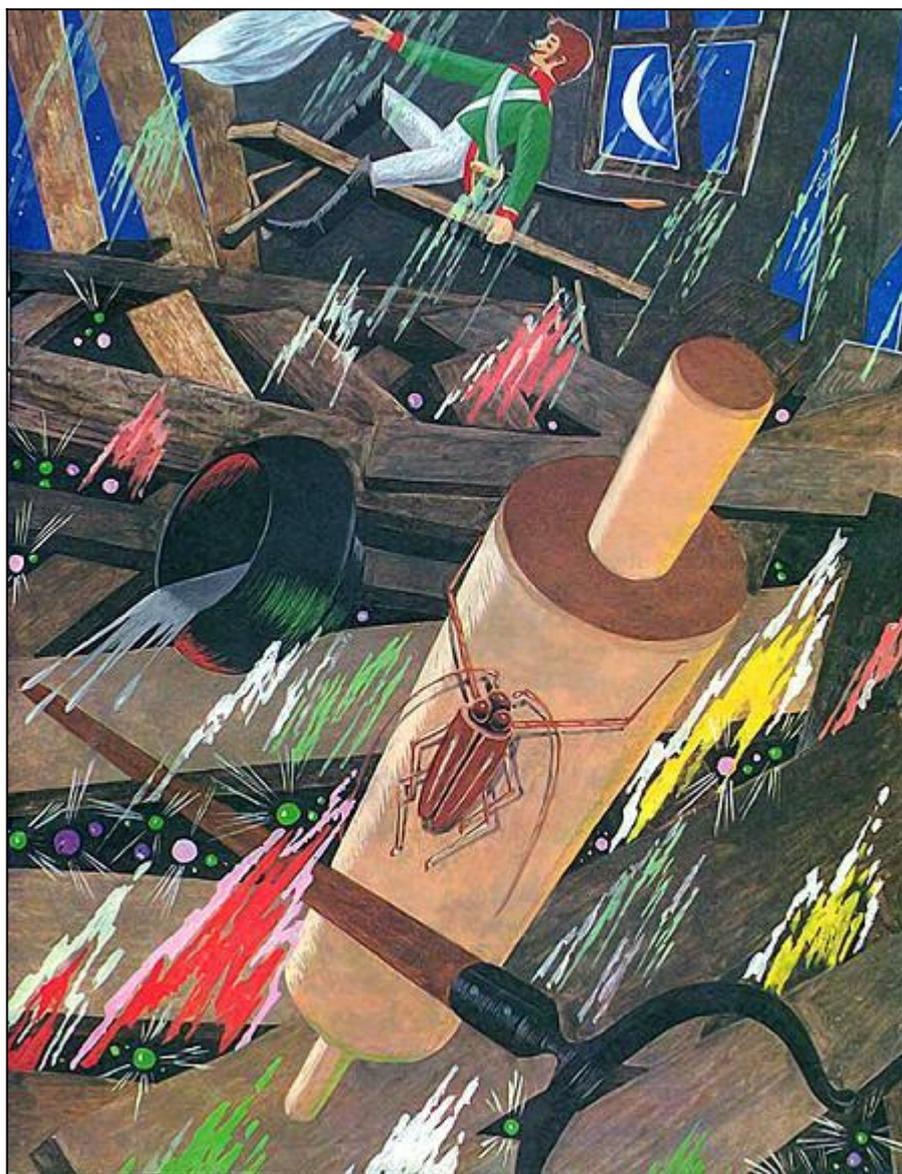
Попрощались они с матушкой, с соседями, с котом. Кота за его подвиг в деревне все почитают, каждый день ему как масленица.

Долго ли коротко, пришли Орешек и Малаша на хуторок. Выбежали из дома батюшка с матушкой и ну дочку обнимать, слезами поливать: навсегда прощались, а дочка вернулась, да не одна, с мужем. Тут сестрички из дому выпорхнули, как ласточки. Сколько их, и не сосчитать по пальцам.

Избавителю все рады, повели в дом, за стол посадили, угощали наперебой. Девицы хоровод водить пошли. Да только как покатилося солнце за леса, так и веселье кончилось.

Тут бы постель стелить, а все стали из дому собираться.

— Что за притча? — спрашивает Орешек. — Такая уж у нас доля, — говорят. — Завелась в избе

нечистая сила. Днём спокойно, а ночью и единой минуты не усидишь.

— Всё неймётся ей! — говорит Орешек. — Негоже хозяевам на ночь глядя из дома бежать, под кустами по-звериному сидеть. В доме лягу.

— Слово зятя — тестю заповедь, — говорит крестьянин. — Только ты, солдат, голову под подушку клади, не ровён час — отшибут. Постелила Малаша-милаша Орешку на лавке, поклонилась ему, всё семейство поспешило прочь из избы.

Позевал солдат, позевал да и на боковую. А в избе покойно, даже мышка под полом не скребёт. В сон потянуло. Орешек — бывалый человек, пустого геройства не понимал. Сказано — прячь голову. Отчего же не послушать доброго совета?

Лёг Орешек на жёсткий кулак, а голову пуховой подушкой закрыл.

И только глаза ему дрёмой

смежило, ну словно по костякам дурак какой палкою затрещал, как по забору.

Где уж тут спать!

Приподнял Орешек край подушки — господи помилуй!

Половицы стоймя стоят: вкривь, вкось, а по ним, как смычок по струнам, скалка скачет.

В подполье то ли дым клубит, то ли лохмотья на сквозняке веют во все стороны. Завозилса Орешек, чтоб получше разглядеть, да тут как шваркнул в него ведёрным чугуном.

Над самой подушкой о стену грохнуло, полилось.

А лавка — ну будто конь взбесившийся, то на дыбы, то взягушки. Вцепился Орешек в лавку, а свистопляска пуще. Половицы хороводом пошли, потолок колесом прогнулся. Печь хоть и стоит на месте, но каждый кирпич сам по себе танцует. Не печь, а марево дрожащее.

— Однако довольно, нагляделся, — сказал себе Орешек. — Ночью коли службы нет, солдат спит. Завтра ноженькам топать да топать.

Пристегнул себя ремнём к лавке да и заснул.

Утром вскочил было — ни туда, ни сюда. О ремне вспомнил. Отстегнул себя от лавки. Огляделся. Половицы на месте, печка как печка, под печкой чугун.

А кости, однако, ломит, словно цепями отмолотили.

Задумался Орешек. Тут и вспомнился ему один рассказец унтера, старослужащего Ивана Спиридоныча. Ухватился за рассказец этот Орешек, как за ниточку, ну а хорошо за ниточку потянуть, то, как бы ни был велик клубок, размотать его — дело времени. Прибежала Малаша-милаша, увидела, что Орешек жив, здоров и весел, дух перевела.

— Чтой-то ты бледна нынче? — спрашивает Орешек, а Малаша отвечает:

— Ночь сегодня больно длинная выдалась, сон не шёл.

— А я так славно выпался, — говорит Орешек. — Ну, собирайся в путь-дорогу да зови батюшку, словечко ему на прощанье хочу сказать.

Позвала Малаша-милаша отца. Говорит солдат:

— Вспомни, батюшка, ладно ли ты с соседями живёшь?

— И ладно и мирно, — говорит тесть.

Тут солдат Орешек пошёл за печку да и выдернул из потайного места сучок рогатый.

— Кикимору тебе кто-то в дом поселил.

— А ведь ночевала у нас тут побирушка косматенькая! — вспомнил крестьянин. — В тепло её пустил, на печь.

Вышел Орешек из дому, поломал сучок надвое и спрашивает:

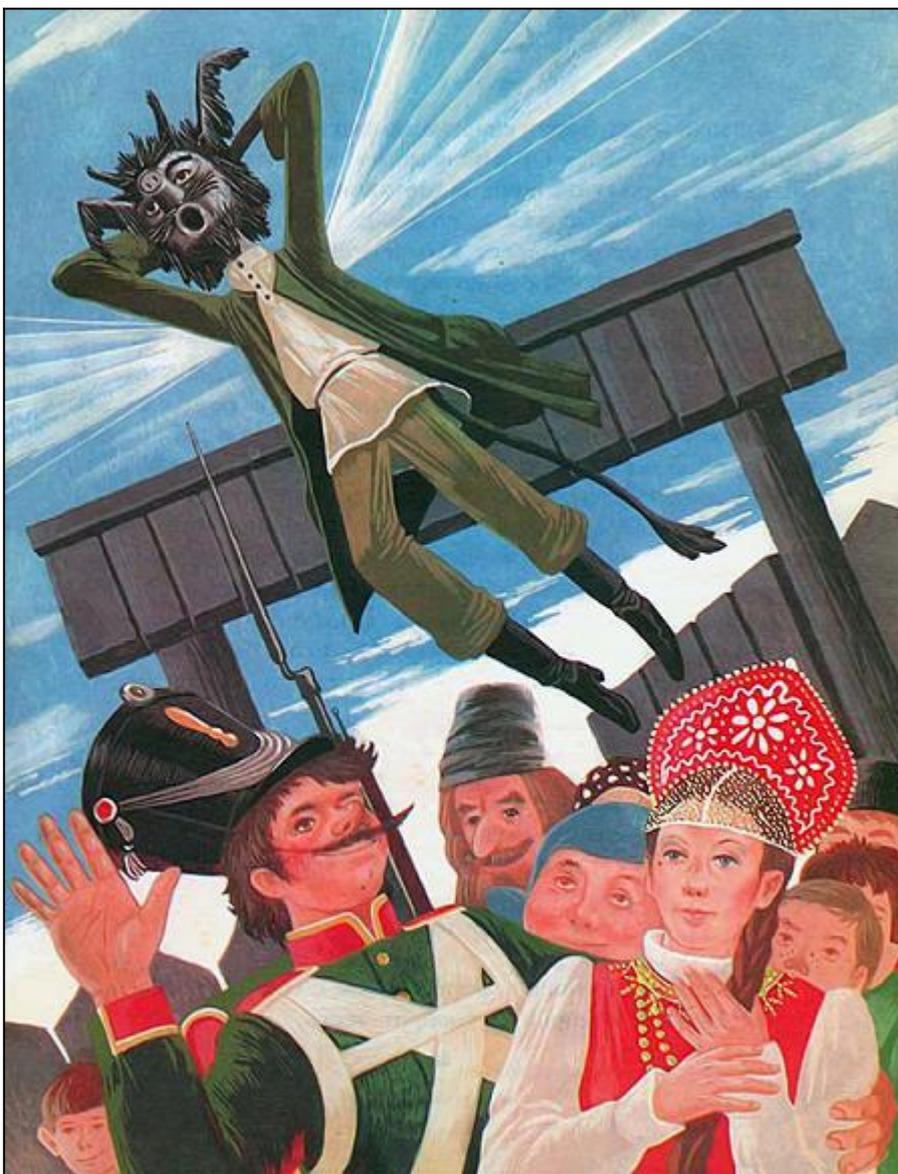
— Далеко ли ты, Пропади Пропадом?

Запищал тут ветер по-комариному:

— Ой, солдат, век бы тебя не видеть!

— Вот и лети себе в Тридесятое царство, чтоб не путался под моими ногами.

— Рад стараться! — пискнул Пропади Пропадом и сгинул, как велено ему было, в Тридесятое

неблизкое царство.

А солдат Орешек пошёл службу дослуживать. И Малаша-милаша с ним, со своим суженым, с Орешком свет Ивановичем.